

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

DOI: 10.31857/S086919080019121-0

О ДВУХ РОДСТВЕННЫХ ДЖАТАКАСТАВАХ В «ЛАЛИТАВИСТАРЕ»
И «РАШТРАПАЛАПАРИПРИЧЧХА-СУТРЕ»

© 2022

Д.А. КОМИССАРОВ ^а

^а – Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2317-0470; dkomissarov@hse.ru

Резюме: В статье рассматриваются два стихотворных фрагмента из двух буддийских текстов – «Лалитавистары» и «Раштрапалапариприччхасутры». Оба отрывка, как показывает исследование, обладают жанровыми характеристиками, которые позволяют отнести их к текстам типа джатакастава (букв. «прославление джатак»). Известны лишь две поэмы этого жанра, однако стихотворные отрывки со схожими особенностями встречаются также в нескольких объемных буддийских памятниках. Джатакастава представляет собой поэму с рамочной структурой. Рамка джатакаставы имеет много общего с типовыми рамками древних и средневековых индийских религиозных гимнов – в ней автор произведения говорит о том, что его дарований недостаточно, чтобы описать деяния Будды, и о том, какие блага получают те, кто читает и распространяет его произведение. В основном тексте поэмы описываются деяния Будды, совершенные им в прежних рождениях. На изложение одной джатаки (истории одного рождения) отводится одна строфа (в редких случаях – несколько строф). Каждая строфа (или группа строф) при этом имеет одинаковую структуру.

Помимо общих жанровых характеристик, оба исследуемых отрывка демонстрируют ряд совпадений как на уровне содержания, так и на уровне формы. Это позволяет сделать предположение об общем для них источнике происхождения. В ходе анализа композиции больших стихотворных фрагментов, в состав которых входят рассматриваемые стихи, становится понятно, что отдельные строфы стихотворных произведений, попадая внутрь большого буддийского текста, могли рассеиваться, находить себе новое место, подчиняясь той структуре, которая лежит в основе соответствующих отрывков вновь создаваемых или расширяемых памятников. Так, в «Лалитавистаре» строфы выстраиваются в соответствии с каноническим буддийским перечнем парамит – особых качеств, которые должен взрастить будущий будда в своих прежних рождениях, а в «Раштрапалапариприччхасутре» в основе композиции, по-видимому, лежит классификация главных персонажей джатак.

Ключевые слова: буддийская литература, джатаки, буддийские гимны, Лалитавистара, Раштрапалапариприччхасутра, Будда.

Для цитирования: Комиссаров Д.А. О двух родственных джатакаставах в «Лалитавистаре» и «Раштрапалапариприччхасутре». Восток (Oriens). 2022. № 2. С. 214–226. DOI: 10.31857/S086919080019121-0

ON THE TWO GENETICALLY RELATED *JĀTAKASTAVAS* FROM LALITAVISTARA AND RĀṢṬRAPĀLAPARIPṚCCHĀ-SŪTRA

© 2022

Dmitriy A. KOMISSAROV ^a^a – HSE University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2317-0470; dkomissarov@hse.ru

Abstract: This paper examines two poetic fragments from two Buddhist texts: one – from Lalitavistara and another – from Rāṣṭrapālaparipṛcchā-sūtra. As the study reveals, both passages demonstrate certain genre characteristics that allow considering them as samples of *jātakastava* (lit. “*jātaka*-praise”). This genre is represented by only two extant separate poems. However, one can also find poetic passages with similar characteristics in several voluminous Buddhist monuments. *Jātakastava* is a type of poem consisting of the frame and the main part. The frame has much in common with standard frames of ancient and medieval Indian religious hymns – in it, the author of the poem tells us that he is not talented enough to describe the deeds of the Buddha himself, and informs us about the benefits that one can get by reading and distributing the work. The main part of the poem describes the deeds of the Buddha performed by him in his previous births.

Both of the passages under consideration demonstrate a number of similarities in the content as well as in the form. This allows us to make an assumption about a common source of origin for them. Having determined the genetic relationship of the two texts, we proceed to analyze the composition of large poetic fragments, which include the verses in question. It appears that individual stanzas of the poems, getting inside a large Buddhist text, could scatter, find a new place for themselves, obeying the structure that underlies the corresponding passages of newly created or expanded monuments.

Keywords: Buddhist literature, jatakas, Buddhist hymns, Lalitavistara, Rastrapalaparipriccha-sutra, Buddha.

For citation: Komissarov D.A. On the Two Genetically Related *jātakastavas* from Lalitavistara and Rāṣṭrapālaparipṛcchā-sūtra. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 2. Pp. 214–226. DOI: 10.31857/S086919080019121-0

ВВЕДЕНИЕ. ЖАНР ДЖАТАКАСТАВА

Среди всего бесконечно обширного собрания сохранившихся памятников буддийской литературы жанр *джатакастава* (*jātakastava*, санскр., букв. «прославление *джатак*») представлен лишь двумя отдельными поэмами¹. Одна из них [Dresden, 1955] доступна в переводе на хотанский язык, выполненном неким Ведьяшилой во второй половине X в., предположительно с санскрита [Dresden, 1955, p. 402]. Вторая дошла до нас на санскрите, но в тибетской транслитерации [Bailey H.W., 1939; Bailey D.R., 1954]. Ее авторство приписывается Джнянаяшасу, о дате ее создания сказать что-то определенное трудно.

Оба эти памятника имеют ряд общих черт, которые можно считать основными характеристиками жанра *джатакастава*:

¹ О *джатакаставе* как особом жанре буддийской литературы см.: [Komissarov, 2019].

1) Поэмы представляют собой восхваление деяний, которые совершал Будда в своих прежних рождениях (рассказы об этих деяниях обычно излагаются в буддийской литературе в форме *джатак*).

2) Текст поэм подразделяется на основную часть, содержащую прославление, и рамку. Открывающая и закрывающая части рамки могут быть представлены одной или несколькими строфами. В открывающей части авторы признаются в том, что их талант недостаточно велик, чтобы описать славные подвиги Бодхисаттвы, однако они все же решились приступить к этому трудному делу. Завершающие строфы представляют собой так называемое *пхалашрути* (*phalaśruti*, букв. «сообщение о плодах») – рассказ о том, какие духовные заслуги может обрести сочинитель поэмы, а также тот, кто ее будет слушать, воспроизводить и распространять, и о том, кому автор поэмы желает обретенные духовные заслуги передать².

3) В основной части поэм прославляются один за другим сюжеты, известные нам из *джатак*. При этом сами сюжеты не пересказываются, вместо этого авторы описывают их главные эпизоды или просто упоминают их. В результате сюжеты о прежних рождениях Будды оказываются представленными в поэмах таким образом, что читатель или слушатель не способен в своем сознании восстановить рассказ полностью, не будучи знакомым с буддийской повествовательной литературой. Такие «отсылки» к *джатакам* имеют эвокативную функцию: их задача – не рассказать истории, а скорее напомнить об уже известных сюжетах. В этом случае автор получает возможность воздать хвалы сразу нескольким подвигам Бодхисаттвы в пределах небольшого по объему поэтического текста.

4) На каждый сюжет в *джатакаставах* отводится одна или, реже, несколько строф. Каждая строфа или группа строф характеризуется особенностью, которую можно условно обозначить как «повторяющаяся структура». Эта структура может быть выражена посредством определенных, фиксированных синтаксических конструкций, посредством словесных формул, занимающих определенное положение в строфе, или посредством рефрена. Такая особенность позволяет авторам поэм прибегнуть к излюбленному в буддийской традиции методу описания (а порой и повествования) с помощью перечней³ и в рамках одного стихотворного произведения представить несколько *джатак* в виде списка, пункты которого на уровне формы отделены друг от друга посредством той самой «повторяющейся структуры». За счет этого, помимо функции «прославления» или «восхваления» (*stava*) Бодхисаттвы, *джатакаставы* оказываются способными выполнить еще одну задачу – описать в пределах одного произведения путь бодхисаттвы, ведущий к обретению статуса будды в последнем рождении.

Хотя нам известны только два памятника, обозначенных как *джатакаставы*, отдельные стихотворные фрагменты некоторых объемных буддийских канонических произведений имеют схожие жанровые особенности. Речь идет о двух жизнеописаниях Будды – «Махавасту» и «Лалитавистара» – и о «Раштрапалапариприччха-сутре» – махаянском тексте, посвященном пути бодхисаттвы. Все три памятника представляют собой смесь стихов и прозы, причем стихотворные их части демонстрируют большое жанровое разнообразие. Среди стихов, прославляющих Будду и его подвиги в прежних рождениях, иногда встречаются те, которые можно отнести к жанру *джатакастава* и о которых можно сделать предположение, что они некогда составляли части отдельных *джатакастав*⁴. Из такого

² Санскритский композит *jātakastava* не случайно содержит слово *stava*, которое в изолированном виде обозначает жанр гимна (наряду с синонимичными *stuti* и *stotra*, восходящими к глагольному корню *stu* «восхвалять», «прославлять»), – рамочные конструкции с похожим содержанием часто встречаются в индийской гимнографии (см.: [Gonda, 1977, p. 246–247; Cutler, 1987, p. 27–29; Stainton, 2013, p. 20–22]).

³ О «поэтике перечней» в буддийской канонической литературе см.: [Александрова, Русанов, 2016, с. 48–50].

⁴ А.В. Зорин в личной беседе предложил считать *джатакаставу* скорее «поджанром», чем самостоятельным жанром. Действительно, стихотворные тексты с описанными выше жанровыми характеристиками встречаются

рода стихотворных фрагментов⁵ в рамках данной статьи нас будут интересовать лишь два: один из «Лалитавистары» и один из «Раштрапалапарипричча-сутры».

ДЖАТАКАСТАВА ИЗ «ЛАЛИТАВИСТАРЫ»

Первый фрагмент входит в состав длинного стихотворного пассажа главы 13 «Лалитавистары», представляющего собой прозвучавшие чудесным образом *gamxi* (песни), призванные убедить царевича-бодхисаттву уйти из дворца и стать странствующим аскетом. Приведем перевод интересующих нас строф:

«25) Прежде, о лучший из людей, когда ты был царем Шубхой, человек произнес перед твоим лицом такую речь: “Отдай мне эту землю с городами и селами!”. И ты, радостный, отказался [от нее], и разум твой не поколебался.

<...>

27) Прежде, когда ты был лучшим из риши, о сын царя, разгневанный царь Кали отрезал твои члены. Ты умер, но разум твой не поколебался. Из твоих рук и ног тогда струилось молоко.

28) Прежде, когда ты был Сьямой, сыном риши, преданным обетам, и ухаживал за родителями в жилище на лучшей из гор, царь поразил тебя отравленной стрелой. Ты [проявил] сострадание к царю, и разум твой не поколебался.

29) Прежде, о носитель достоинств, когда ты был повелителем оленей, ты, податель блага, вытащил на сушу человека, уносимого вдаль полноводной горной рекой. Он привел твоих врагов, но разум твой не поколебался» [Хокадзоно, 1994, с. 614].

Каждая из этих строф отсылает читателя к определенной *джатаке*.

Сюжет, упоминающийся в строфе 25, отождествить не удалось.

Строфа 27 описывает известную «Джатаку о Кшантивадине»⁶. Согласно преданию, Бодхисаттва, рожденный некогда отшельником, пребывал в царском парке. Жестокий царь однажды вышел в этот парк на прогулку со своими женами. Когда царь уснул, жены, гуляя, наткнулись на Бодхисаттву, и тот стал проповедовать им терпение (*kṣānti*). Царь узнал об этом, рассердился и по очереди отсекал аскету все его члены, но тот остался приверженным добродетели терпения, пока не умер от полученных ран.

В строфе 28 упоминается «Джатака о Шьяме» (*Śyāma*, также *Śyāma* или *Syāma*, пали *Sāma*)⁷. Эта история также связана с рождением Бодхисаттвы в теле отшельника. Он жил в лесу и ухаживал за своими слепыми родителями. Однажды, когда он пришел к реке за водой, его подстрелил царь, пришедший в лес охотиться. Когда царь узнал, что его жертвой оказался добродетельный аскет, он раскаялся и взял на себя обет заботиться о родителях погибшего.

преимущественно в составе больших канонических произведений, а не отдельно, однако два образца самостоятельных произведений такого рода все же нам известны. Этот вопрос, как мне кажется, остается открытым и требует дальнейшего исследования. Я благодарю А.В. Зорина за предоставление электронной копии его книги «У истоков тибетской поэзии. Буддийские гимны в тибетской литературе VIII–XIV вв.» [Зорин, 2010], которая позволила мне многое прояснить в истории буддийской гимнографии и снабдила меня важными библиографическими сведениями.

⁵ Ср., например, «Махавасту» [*Le Mahāvastu*, 1890, p. 337–338; *The Mahāvastu*, 1952, p. 310–311], «Лалитавистару» [Хокадзоно, 1994, с. 378–380, 612–622; Александрова и др., 2017, с. 324–325], «Раштрапалапарипричча-сутру» [*Rāṣṭrapālapariprcchā*, 1957, p. 21–27; Boucher, 2008, p. 131–136].

⁶ Пересказ всего сюжета содержится в комментариях к Палийскому Канону [*The Jātaka: Together with Its Commentary*, 1883, p. 39–43] и в «Гирлянде джатак» Арьяшурь [*Āryaśūra*, 1943, p. 181–192; 2010, p. 347–367].

⁷ Сюжет *джатаки* излагается в комментариях к Палийскому Канону [*The Jātaka: Together with Its Commentary*, 1896, p. 68–95; *The Jātaka or Stories of the Buddha's Former Births*, 1907, p. 38–52] и в «Махавасту» [*Le Mahāvastu*, 1890, p. 209–231; *The Mahāvastu*, 1952, p. 199–218].

В строфе 29 упоминается история о царе оленей, который решил жить в уединении, опасаясь, что из-за его красоты он сделается желанной добычей охотников. Однажды он увидел тонущего в реке человека и спас его. Олень попросил человека не рассказывать никому о нем, но тот оказался неблагодарным и позже, соблазнившись наградой, привел охотников к месту его обитания⁸.

Эти четыре строфы объединяет единая структура. Ее можно наглядно продемонстрировать на основе оригинального текста на буддийском гибридном санскрите (далее – БГС):

25) **puri tuma naravara** | subhu nṛpu **yada 'bhū**
 naru tava abhimukha | ima giram avacī,
 dada mama ima mahi | sanagaranigamāṃ
 tyaji tada pramuditu | **na ca manu kṣubhito**.

<...>

27) **puri tuma nṛpasuta** | ṛṣivara **yada 'bhū**
 chini tava tanuruha | kalinṛpu ruṣito,
 kṛta tvayi kalakriya | **na ca manu kṣubhito**
 payu tava sravi tada | karatalacaraṇaiḥ.

28) syamu puna ṛṣisutu | **tvayi puri yada 'bhū**
 vrataratu gurubharu | girivaranilaye,
 hatu tava nṛpatina | viṣakṛta-iṣuṇā
 kṛpa tava tahi nṛpa | **na ca manu kṣubhito**.

29) **puri tuma guṇadhara** | mṛgapati **yada 'bhū**
 girinadibahujali | duyamanu puruṣo,
 hitavata tvayi maru-sthalam api sthapito
 upanayi tava ari | **na ca manu kṣubhito** [Хокадзоно, 1994, с. 614].

Данный текст составлен в стихотворном размере *шашикала* (śaśikalā) – четыре строки (или *пады*, pada) по пятнадцать слогов, из которых все краткие, кроме последнего. Размер *шашикала* не подразумевает наличия цезуры внутри *пады*, однако структура строф говорит о том, что в данном случае она присутствует и занимает позицию после восьмого слога (в тексте на БГС она обозначена вертикальной чертой – |).

Жирным шрифтом в приведенных строфах выделены повторяющиеся словесные формулы, занимающие с той или иной степенью строгости определенные положения в строфе: **puri tuma** («прежде ты») – в начале первой *пады*, **yada 'bhū** («когда был») – в конце первой *пады*, **na ca manu kṣubhito** («но разум не поколебался») – вторая половина четвертой *пады*, после цезуры. Последняя формула (или рефрен) – отличительная черта именно приведенных четырех строф, в то время как первые две формулы встречаются и в соседних строфах. На рефрен стоит обратить особое внимание – о нем еще будет идти речь ниже, в связи со строфами из «Раштрапалапарипричча-сутры».

⁸ Сюжет излагается в комментариях к Палийскому Канону [The Jātaka: Together with Its Commentary, 1887, p. 255–263; The Jātaka or Stories of the Buddha's Former Births, 1901, p. 161–166], в «Гирлянде Джатак» Арьяшурь [Āryaśūra, 1943, p. 167–175; 2010, p. 321–334], в «Сангхабхедаставу» [The Gilgit Manuscript of the Saṅghabhedavastu, 1978, 96–100; Saṅghabhedavastu, 2020, c. 434–439].

Курсивом в тексте на БГС выделены именные формы звательного падежа, единственного числа – обращения к Бодхисаттве (*paṇavaṇa* «лучший из людей», *nṛpaṇasuta* «сын царя», *guṇadhara* «податель блага»). Они завершают первую половину первой *пады*, располагаются перед цезурой (кроме строфы 28, где на месте вокатива стоит номинатив).

Рассматриваемый фрагмент из четырех стрóf входит в состав небольшой, но завершенной поэмы (строфы 21–34 главы 13 «Лалитавистары»), включенной в длинную череду чудесным образом звучащих *гатах*, обращенных к Бодхисаттве (строфы 9–132 той же главы). То, что строфы 21–34 действительно представляют собой самостоятельное произведение или часть некоего произведения, интерполированную в текст «Лалитавистары», подтверждается рядом признаков.

Первый признак – наличие отдельной рамки. Рамку составляют строфы 21–23 и 34):

«21) И вот, когда радостные, дарующие наслаждение, пьянящие, чарующие, прекрасные женщины заиграли на музыкальных инструментах, победители, пребывавшие в десяти сторонах света, укротители богов и людей, сопровождали звучание музыкальных инструментов звучанием лучших голосов.

22) Когда ты странствовал по путям⁹, ты совершил множество благих деяний [для] мира, ты обрел достоинства победителей – вспомни, вспомни о том, как прежде ты исполнял обеты и совершал аскезу, скорее ступай к лучшему из деревьев и достигни бессмертного места!

23) Люди и боги испытывают сильную жажду, лишённые достоинств победителей, в то время как ты, дарующий сок *амриты*, сполна наделен необходимой силой. О обладающий достоинствами тех, кто наделен десятью силами, о почитаемый мудрыми людьми, скорее, владыка людей, поделись *амритой*!

<...>

34) Таковым было несравненное исполнение обетов и [совершение] аскезы у тебя, следующего по пути достоинств, о исполненный достоинств носитель достоинств. Оставь [эту] землю вместе с городами – настало твое время! Скорее утверди мир в совершении деяний, [являющих] достоинства победителей!» [Хокадзоно, 1994, с. 612–616]

Второй признак – сохранение одного стихотворного размера (*śaśikālā*) на протяжении поэмы (строфы 21–34). Остальные гатхи внутри большого стихотворного фрагмента (строфы 9–132) составлены в других размерах.

Третий признак – некоторые общие черты в структурах стрóf, составляющих основную часть поэмы (строфы 24–33). Эти общие черты проявляются в первых *падах*. Ниже приводятся первые *пады* каждой стрóфы на БГС:

- 24) **tyaji tvayi puri bhavi** | dhanamaṇikanakāḥ
- 25) **puri tuma naravara** | subhu nṛpu **yada 'bhū**
- 26) **puri tuma narapati** | svaku dvija **yada 'bhū**
- 27) **puri tuma nṛpasuta** | ṛṣivara **yada 'bhū**
- 28) syamu puna ṛṣisutu | **tvayi puri yada 'bhū**
- 29) **puri tuma guṇadhara** | mṛgapati **yada 'bhū**
- 30) **puri tuma naravarū** | dvijasutu **yada 'bhū**
- 31) **puri tuma supuruṣa** | ṛṣivaru **yada 'bhū**
- 32) syamu ṛṣi upagatu | **puri** drumanilaye
- 33) suku lasu **guṇadhara** | **puri** drumi vasato [Хокадзоно, 1994, с. 612–616]

Здесь, как и в рассмотренных выше четырех стрóфах, повторяющиеся словесные формулы выделены жирным шрифтом, обращения – курсивом. Однако, в отличие от тех четырех

⁹ Пути (*gati*) – пять «путей» или пять типов рождения: два благих (в виде человека и в виде бога) и три неблагих (в виде животного, злого духа или обитателя ада).

строф, сходство ограничивается первыми *падами* (рефрен «но разум твой не поколебался» отсутствует).

И наконец, четвертый признак, позволяющий нам предполагать, что перед нами самостоятельное произведение, – это единая, строгая композиция строф, заключенных в рамку. Об этой композиции будет сказано ниже.

ДЖАТАКАСТАВА ИЗ «РАШТРАПАЛАПАРИПРИЧЧХА-СУТРЫ»

В отличие от строф из «Лалитавистары», *gathā* из «Раштрапалапариприччха-сутры», представляющие интерес для данной работы, не сосредоточены в рамках одной небольшой поэмы или определенной группы гатх – наоборот, они разбросаны по разным местам длинного стихотворного отрывка. Этот отрывок представляет собой уникальное по своему объему собрание *gathā* (строфы 108–164), видимо, разных по своему происхождению, но объединенных одной темой (прославление прежних рождений Будды, *джатак*) и единым формальным признаком, роднящим их с жанром *джатакаставы* (указание на одну *джатаку* в рамках одной строфы, без пересказа сюжета)¹⁰. Приведем перевод интересующих нас строф:

«112) Я был отшельником по имени Кшантирата в прекрасном лесу, изобилующем плодами, цветами и прудами. Злой царь Кали отрезал мне руки и ноги, но разум мой тогда не был охвачен гневом.

<...>

151) Когда я, родившийся оленем, спас того, кого уносили волны Ганги, тот привел моих убийц, [но] разум мой в тот момент не был охвачен гневом.

<...>

155) Когда я был львом, царем зверей, сострадательным и наделенным стойкостью и силой, меня пронзили стрелой, [но] ум мой не был охвачен гневом, я с добротой отнесся к моему убийце».

Среди множества строф, прославляющих прошлые рождения Будды, эти три строфы, пусть и разбросанные по разным местам, выделяются единой структурой, основанной на рефрене, занимающем (в двух случаях из трех) четвертую *паду* каждого стиха:

112) phalapuṣṭajalādhya suramya
āsi vane muni kṣāntirato 'ham,
chinna karau caraṇau kalirājñā
naiva mano 'pi tadā mama duṣṭam.

<...>

151) gaṅgataṛaṅgajalair hriyamāṇaḥ
tārīta me yadā āsi mrgatve,
vadhakā mama tenupanītā
naiva mano mama tatra praduṣṭam.

<...>

155) siṃha babhūva yadā mrgarājā
sthāmabalānvita kārūṇikaś ca,
viddha śareṇa **na dūṣita cittam**
maitri tadā vadhake 'pi tadā me.

¹⁰ В английском переводе «Раштрапалапариприччха-сутры» этот отрывок составляет отдельный раздел, озаглавленный переводчиком как «Усилия Будды в прошлом» (“The Former Exertions of the Buddha”) [Boucher, 2008, p. 131–136]. Отрывок в издании оригинального текста: [Rāṣṭrapālāpariprecchā, 1957, p. 21–27].

В строфах 112 и 151 рефрен занимает одинаковую позицию в строфе и имеет незначительные отличия в порядке слов и лексическом составе: *naīva mano 'pi tadā mama duṣṭam* «но разум мой тогда не был охвачен гневом», *naīva mano mama tatra praduṣṭam* «разум мой в тот момент не был охвачен гневом». Строфа 155 выделяется из этого короткого ряда. Сочетание *na dūṣita cittam* (букв. «ум не охвачен гневом») в ней лишь отдаленно напоминает рассматриваемую формулу, и располагается она не в четвертой, а в конце третьей *пады*. Некоторые отличия от двух других строф строфа 155 демонстрирует и в своем содержании, но, чтобы увидеть это, необходимо сравнить *гатхи* из «Раштрапалапарипричча-сутры» с уже рассмотренными стихами из «Лалитавистары».

СОПОСТАВЛЕНИЕ *ДЖАТАКАСТАВ* ИЗ «ЛАЛИТАВИСТАРЫ» И «РАШТРАПАЛАПАРИПРИЧЧХА-СУТРЫ»

Первое, что бросается в глаза при их сопоставлении, – похожие рефрены, расположенные в обоих случаях в четвертой *паде*. Однако схожи они только содержательно, буквальные совпадения в них незначительны: *na sa manu kṣubhito* (букв. «но разум не поколебался») и *naīva mano mama tatra praduṣṭam* («разум мой в тот момент не был охвачен гневом»). Кроме этого сходства и кроме одних и тех же жанровых характеристик, никаких прочих сходств на уровне формы не обнаруживается: ни совпадений в стихотворном размере, ни буквальных совпадений при описании сюжетов.

Второе, на что стоит обратить внимание при сравнении, – совпадение в *джатаках*, на которые делаются аллюзии в строфах из «Лалитавистары» и «Раштрапалапарипричча-сутры»: строфа 112 из «Раштр.-сутры» и строфа 27 из «Лал.» посвящены сюжету о риши Кшантивадине, строфа 151 из «Раштр.-сутры» и строфа 29 из «Лал.» – сюжету о царе оленей. Лишь строфы 155 из «Раштр.-сутры» и 28 из «Лал.», как кажется, опираются на разные истории (в одной речь идет о знаменитой *джатаке* о Шьяме, а в другой – о неизвестном сюжете о льве). Однако, если приглядеться к структуре сюжетов, описываемых в обеих строфах, то определенные сходства обнаружить все же удастся: в обоих случаях Бодхисаттву ранят стрелой, а он не испытывает гнева в ответ, но относится к своему убийце с добротой. Возможно, история о Шьяме и *джатака*, о которой говорится в строфе из «Раштр.-сутры», родственны и восходят к одному древнему сюжету. Наконец, строфа 25 из «Лал.» не имеет соответствия в «Раштр.-сутре», поскольку в последней обнаружилось лишь три строфы с характерным рефреном, в то время как в «Лал.» – четыре.

Сходства в рефренах (в их содержании и их позиции в строфах) и одновременно совпадения в *джатаках*, которые прославляются в *гатхах* из обоих памятников, вряд ли случайны. Они наталкивают на мысль о «родстве» этих двух стихотворных фрагментов, однако родство это настолько дальнее, что мы практически не замечаем в них буквальных совпадений. Исключение составляют лишь рефрены, в которых совпадают слова *na* «не» и *manas* «разум».

КОМПОЗИЦИЯ *ГАТХ* В «ЛАЛИТАВИСТАРЕ»

Есть еще один аргумент – пусть косвенный и неубедительный – в пользу дальнего родства этих двух групп строф. Аргумент этот связан с их похожей судьбой. И одна, и другая группы выглядят чужеродными внутри больших стихотворных фрагментов. Кроме того, строфы эти не расположены одна за другой, они не составляют единства и могут быть «разбросаны» по тексту памятника. Более всего это заметно в «Раштр.-сутре» (ср. номера стихов – 112, 151, 155), но и для «Лал.» это замечание, хотя и в гораздо меньшей степени,

но справедливо (номера стихов – 25, 27, 28, 29, между 25 и 27 строфами вклинивается одна «чужая»). Вероятно, две родственные традиции, к которым восходят рассматриваемые *gāthi*, разошлись настолько давно, что от цельных поэм остались лишь куски – отдельные строфы или группы строф, – которые авторы махаянских сутр использовали для составления больших стихотворных фрагментов, вставляя эти строфы в свои тексты в соответствии с определенной логикой построения композиции. Попробуем проанализировать эту логику для обоих памятников.

Рассуждая о композиции в стихотворном фрагменте «Лалитавистары», нет необходимости обозревать все собрание *gāth*, чудесным образом прозвучавших в небе в адрес Бодхисаттвы (строфы 9–132), поскольку рассматриваемые строфы, как уже говорилось, входят в состав небольшого самостоятельного произведения, включенного в это собрание (21–34). Данное произведение обладает собственной композицией. Отбросив рамочную часть, попытаемся разглядеть структуру в расположении стихов в основной его части. Для этого в виде списка представим темы всех ее строф:

- 24) Бодхисаттва отказывался от богатств, близких, частей своего тела;
- 25) в теле царя Шубхи отдал просителю землю;
- 26) в теле брахмана на службе у царя научил людей благому поведению;
- 27) в теле риши проповедовал терпение;
- 28) в теле риши Сьямы проявил сострадание к своему убийце;
- 29) в теле оленя спас утопающего, приведшего потом к нему охотников;
- 30) в теле брахмана «преисполнился решительности» и уничтожил океан, чтобы добыть утонувшее богатство;
- 31) в теле риши защитил брахмана, несмотря на то что тот привел к нему его врагов;
- 32) по просьбе риши сосчитал, сколько молодых веточек на дереве;
- 33) в теле попугая не оставил погибшее дерево, поскольку помнил, сколько блага оно ему принесло прежде.

Из списка видно, что в нем фигурируют сюжеты, иллюстрирующие ту или иную добродетель. Речь идет, конечно, о *парамитах* (*pāramitā*, «совершенство») – особого рода качествах, которые бодхисаттва должен взрастить в себе до предельных высот, чтобы обрести свое последнее рождение и стать буддой. В разных буддийских традициях и текстах приводятся разные перечни *парамит*, они могут состоять из пяти, шести, семи, десяти пунктов. В буддийской литературе нередко в рамках одного памятника сюжеты *джатак* расположены в соответствии с тем или иным перечнем *парамит*. При этом одному сюжету соответствует строго одна *парамита*. Так, к примеру, организован материал в палийском стихотворном сборнике *джатак* «Чарияпитака» (*Cariyāpiṭaka*), в «Гирлянде *джатак*» Арьяшурь (Āryaśūra, *Jātakamālā*) [Ohnuma, 2007, p. 37, 44–46] и в произведении Харибхатты (*Haribhaṭṭa*) с таким же названием [Khoroshe, 2017, p. 5–6]. По такому же принципу собраны некоторые прочие стихотворные фрагменты из «Лалитавистары», имеющие жанровые признаки *джатакастас* [Хокадзоно, 1994, с. 378–380, 612–622; Александрова и др., 2017, с. 324–325].

В рассматриваемом фрагменте из «Лал.» строфы расположены в соответствии с наиболее популярным перечнем *парамит*, включающем шесть пунктов:

- dāna* («щедрость») – строфа **25**¹¹
- śīla* («праведное поведение») – **26**
- kṣānti* («терпение») – **27, 28**
- vīrya* («усердие») – **29, 30**
- dhyāna* («медитация») – 31 (?)
- prajñā* («мудрость») – 32, 33 (?)

¹¹ Жирным шрифтом выделены номера строф с рефреном, которым посвящена статья.

Здесь при сопоставлении *парамит* с определенными сюжетами *джатак* пункты «медитация» и «мудрость» вызывают вопросы.

Неясно, к примеру, как история о том, что некий риши защитил брахмана, который позже проявил по отношению к нему неблагодарность (строфа 31), может иллюстрировать *парамиту* медитации. Приведем перевод этой строфы из «Лалитавистары»:

«31) Прежде, о превосходный муж, когда ты был лучшим риши, дваждырожденный пришел к тебе [со словами]: "Будь мне защитой!" [Ты], риши, сказал: "О лучший из дваждырожденных, ты привел моих врагов!" Ты оставил свое тело, но не оставил дваждырожденного».

Понять, к какой из известных *джатак* отсылает эта строфа, не удастся, и поэтому подробности истории остаются неизвестными, однако в самой строфе ничто не указывает на мастерство медитации, которым мог обладать риши, или на то, что медитация вообще играет какую-либо роль в сюжете. Но, если обратиться к другим текстам, в которых сюжеты выстроены в соответствии со списками *парамит*, окажется, что нет ничего необычного в том, что традиция могла связать строфу такого содержания с совершенством медитации. Иллюстрация последних двух *парамит* из приведенного выше списка, видимо, часто вызвала затруднения у древних авторов. Так, в «Чарияпитаке» и в «Гирлянде *джатак*» Арьяшуря они вообще не иллюстрируются отдельными историями, в отличие от других *парамит* [Ohnuma, 2007, p. 45–46]. В «Гирлянде *джатак*» Харибхатты из всего множества сюжетов медитации посвящен только один (содержание которого, впрочем, вполне соответствует данной *парамите*) [*Once a Peacock, Once an Actress*, 2017, p. 176–179].

В *джатакаставах*, в которых строфы выстраивались в соответствии со списками «совершенств», допускать такую диспропорцию в распределении сюжетов по пунктам перечня, видимо, было нежелательно. Это хорошо видно из стихотворного фрагмента, следующего почти непосредственно после рассматриваемых строф из главы 13 «Лалитавистары» (строфы 37–48). В нем каждой из шести *парамит* отведено по две строфы. Вот как описываются сюжеты, связанные с медитацией:

«45) О первый среди предающихся медитации, пребывая в покое и обуздав [себя], ты с помощью самоограничений уничтожил пороки. Легко обуздав неустойчивое сознание, изменчивое под властью страстей, ты, преданный медитации, принес здесь пользу миру [и явил] свои достоинства. Теперь настало время, о лучшее существо, творящее чудеса медитации!

46) Прежде ты был риши, непоколебимым в преданности медитации. Лишенные царя люди забрали тебя и помазали на царство. Придерживающийся десяти благих [форм поведения], ты поставил народ на пути Брахмы, и каждый из тех людей, что умерли, отправился тогда в обитель Брахмы».

В строфе 45 упоминается медитация и говорится о духовных высотах, к которым в прежних рождениях приблизился Бодхисаттва с помощью медитации, однако отсутствует указание на конкретные сюжет.

В строфе 46 упоминается сюжет о риши, который был помазан на царство и наставил народ в благом поведении, но сюжет этот не подразумевает непременно, что риши действовал при помощи медитации. Строфа связывается с пятой *парамитой* лишь посредством «ключевых слов» – «медитация» (*dhyana*) и «риши» (*ṛṣi*). Видимо, по схожему принципу и строфа 31 была привязана к «совершенству» медитации – т. е. исключительно на основе того, что главным персонажем ее истории был риши, которому в силу самой сферы своей деятельности полагалось заниматься медитацией.

Так же формально, судя по всему, к *парамите* мудрости были привязаны строфы 32 и 33. В строфе 32 Бодхисаттва проявляет свою мудрость в том, что оказывается способным

посчитать все молодые веточки на дереве, а в строфе 33 – в том, что в теле попугая он, обладая небывалой для птиц мудростью, смог оценить, сколько блага ему принесло старое дерево, которое он не хочет покидать.

В результате анализа композиции строф 24–33 становится понятно, что рассматриваемые нами стихи, содержащие рефрен, не могли следовать подряд один за другим – они были включены в стихотворный фрагмент таким образом, чтобы не нарушить очередность прославления шести «совершенств». А наличие рефрена лишь в четырех строфах из десяти при сохранении на протяжении всей *джатакаставы* единой структуры первой *пады* может свидетельствовать в пользу того, что эти строфы не были помещены внутрь уже существующего произведения, а скорее стали основой, вокруг которой древние авторы сложили небольшую поэму, стремясь соблюсти единство формы в первой *паде*, но по каким-то причинам не придав значения словесной формуле *na sa manu kṣubhito* («но разум не поколебался») в конце четвертой (или третьей) *пады*.

КОМПОЗИЦИЯ ГАТХ В «РАШТРАПАЛАПАРИПРИЧЧХА-СУТРЕ»

В «Раштрапалапариприччха-сутре» интересующие нас строфы отстоят гораздо дальше друг от друга (их номера – 112, 151, 155). При прочтении стихотворного отрывка, в который они включены, довольно скоро становится понятно, что его композиция не имеет никакой связи с традиционными списками *парамит*. Внимание читателя привлекает большая группа строф (144–164), которые описывают сюжеты, где главным персонажем – Бодхисаттвой – выступает животное. Это наталкивает на мысль, что гатхи в данном фрагменте «Раштр.-сутры» сгруппированы по типу основных действующих лиц представленных в них *джатак*. Действительно, если изобразить типы персонажей в виде списка с указанием соответствующих номеров строф, можно убедиться, что композиция *гатх* основана, похоже, именно на классификации персонажей:

112–113 – риши¹²

114–115 – ? dehadāna

116–117 – ученик-брахман

118–128 – цари

129–130 – купцы

131–133 – цари

134–136(?) – врачи

137–139 – цари

140–141 – женщины

142–143 – цари

144–164 – животные (159, 161–164 – попугай)

Структура эта несовершенна или не до конца ясна. Так, строфы 114–115 объединены, видимо, по тематическому принципу: в них повествуется о подвиге Бодхисаттвы, часто обозначаемом в буддийской литературе как dehadāna (букв. «дарение тела») – в историях такого типа Бодхисаттва жертвует своей жизнью или своим телом или частями тела¹³. Кроме того, группа строф, в которых фигурируют цари, по какой-то причине (возможно, в силу большого количества входящих в нее гатх) разбивается группами стихов, посвященных какому-то другому типу действующих лиц.

Если предположение о том, что авторы сутры структурировали *гатхи* по типам персонажей, верна, то естественно заключить, что строфы с рефреном *naiva mano mama tatra*

¹² Жирным шрифтом выделены группы строф, в которые входят рассматриваемые строфы с рефреном.

¹³ Такому типу сюжетов в буддийской литературе посвящена книга [Ohnuma, 2007].

praduṣṭam («разум мой в тот момент не был охвачен гневом»), бывшие в распоряжении составителей памятника, оказались разбросанными по большому стихотворному фрагменту именно в силу такого способа организации материала (при этом составителей, очевидно, не заботило единство в их структуре, наличие рефрена).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как уже было отмечено выше, сходство в рефрене нескольких строф в обоих памятниках – «Лалитавистаре» и «Раштрапалапарипричча-сутре» – и совпадения в *джатаках*, которые в них прославляются, едва ли могут быть случайными. *Гатхи* из обоих произведений некогда принадлежали если не к одной поэме (к одной *джатакаставе*), то по крайней мере к одной буддийской гимнографической традиции, оба направления которой разошлись довольно давно. От оригинальных поэм (или одной поэмы) остались только обрывки, сохранившиеся в памяти составителей более поздних текстов.

Эти обрывки, как часто бывает со стихотворными текстами в буддийской литературной традиции, превращаются в материал, из которого складываются другие произведения (особенно активно такого рода материал используется при составлении махаянских сутр, которые отличаются своей способностью вбирать в себя тексты различных жанров). Строфы могут обрастать схожими по форме и содержанию стихами и превращаться в небольшие, но цельные фрагменты, и в таком виде включаться в состав большого памятника (в этом случае ключевую роль играет внимание составителей этого памятника к жанровым особенностям попавших в их руки строф, и прежде всего – к их формальным характеристикам), а могут «отрываться» друг от друга и распределяться в тексте в соответствии с особенностями композиции конкретного фрагмента памятника (и тогда составителей уже не интересует форма, они учитывают только содержание).

Возможность обнаружить «поджанры» (восходящие, очевидно, к самостоятельным жанрам) внутри ряда буддийских сутр, которые можно условно обозначить как «гипержанр»¹⁴, дает повод для дальнейших размышлений о «проницаемости» буддийских канонических произведений, об их способности вбирать в себя «чужой» материал (о чем рассуждала Н.В. Александрова во время своего доклада на XLII Зографских Чтениях¹⁵, анализируя китайские переводы «Лалитавистары»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Александрова Н.В., Русанов М.А. Приметы рождения Бодхисаттвы в буддийской агиографии. «Поэтика перечней». *Ya evaṃ veda... Kto tak znaet... Памяти Владимира Николаевича Романова*. Сост. Н.Ю. Чалисова, Н.В. Александрова, М.А. Русанов, под общ. ред. И.С. Смирнова. М.: РГГУ, 2016. С. 25–52 [Aleksandrova N., Rusanov M. Omens of Birth of the Bodhisattva in Buddhist Hagiography: "The Poetics of the Catalogs". *Ya evaṃ veda... Kto tak znaet... In memoriam Vladimir Nikolayevich Romanov*. Moscow: RSUH, 2016. Pp. 25–52 (in Russian)].

Александрова Н.В., Русанов М.А., Комиссаров Д.А. *Лалитавистара: Сутра о жизни Будды: Рождение*. М.: РГГУ, 2017 [Aleksandrova N., Rusanov M., Komissarov D. *Lalitavistara: The Sutra on Buddha's Life: The Birth*. Moscow: RSUH, 2017 (in Russian)].

Зорин А.В. *Истоков тибетской поэзии. Буддийские гимны в тибетской литературе VIII–XIV вв.* СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010 [Zorin A. *At the Source of Tibetan Poetry. Buddhist Hymns in Tibetan Literature: 8th–14th Century*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2010 (in Russian)].

¹⁴ Как предложил однажды в устной беседе мой научный руководитель М.А. Русанов.

¹⁵ Доклад «Традиция "Лалитавистары": возможные истоки», 2021 г., г. Санкт-Петербург.

Хокадзono Коити (外 藺 幸 一). Раритависутара но кенкю (Исследование Лалитавистары (ラリタヴィスタラの研究). Токио: Дайто Сяппанся, 1994 [Hokazono Kōchi. Raritavisutara no kenkyū (A Study of the Lalitavistara). Tokyo: Daitō Shuppansha, 1994 (in Japanese)].

Saṅghabhedavastu. О расколе общины. Пер. Д. Комиссарова. М.: Буддадхарма, 2020 [Saṅghabhedavastu. *On the Schism in the Congregation.* Transl. by D. Komissarov. Moscow: Buddhadharma, 2020 (in Russian)].

Āryaśūra. *Jātakamāla or Garland of Birth-Stories.* Transl. by J.S. Speyer. 2010 (electronic edition, first published – London: H. Frowde, Oxford University Press Warehouse, 1895).

Āryaśūra. *The Jataka-Mala: Stories of Buddha's Former Incarnations.* Ed. by H. Kern. Cambridge: The Harvard University Press, 1943.

Bailey D.R. Shackleton. The Jātakastava of Jñānayaśas. *Asiatica. Festschrift Friedrich Weller.* Ed. by Johannes Schubert. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1954. Pp. 22–29.

Bailey H.W. The Jātaka-Stava of Jñānayaśas. *Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London.* 9(4). 1939. Pp. 851–860.

Boucher D. *Bodhisattvas of the Forest and the Formation of the Mahāyāna. A Study and Translation of the Rāstrapālapariṣchā-sūtra.* Honolulu: University of Hawai'i Press, 2008.

Cutler N. *Songs of Experience: The Poetics of Tamil Devotion.* Bloomington: Indiana University Press, 1987.

Dresden M.J. The Jātakastava or 'Praise of the Buddha's Former Births', Indo-Scythian (Khotanese) Text, English Translation, Grammatical Notes, and Glossaries. *Transactions of the American Philosophical Society.* 45(5). 1955. Pp. 397–508.

The *Gilgit Manuscript of the Saṅghabhedavastu: Being the 17th and Last Section of the Vinaya of the Mūlasarvāstivādin.* Ed. by R. Gnoli. In 2 vols. Vol. II. Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1978.

Gonda J. *Medieval Religious Literature in Sanskrit.* Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1977.

The Jātaka or Stories of the Buddha's Former Births. Transl. by E.B. Cowell, W.H.D. Rouse. In 6 vols. Vol. IV. Cambridge: The University Press, 1901.

The Jātaka or Stories of the Buddha's Former Births. Transl. by E.B. Cowell, W.H.D. Rouse. In 6 vols. Vol. VI. Cambridge: The University Press, 1907.

The Jātaka: Together with Its Commentary, Being Tales of the Anterior Births of Gotama Buddha. Ed. by V. Fausboll. In. 6 vols. Vol. III. L.: Trübner & Co., 1883.

The Jātaka: Together with Its Commentary, Being Tales of the Anterior Births of Gotama Buddha. Ed. by V. Fausboll. In. 6 vols. Vol. IV. L.: Trübner & Co., 1887.

The Jātaka: Together with Its Commentary, Being Tales of the Anterior Births of Gotama Buddha. Ed. by V. Fausboll. In. 6 vols. Vol. VI. L.: Trübner & Co., 1896.

Khoroche P. Introduction. *Once a Peacock, Once an Actress: Twenty-Four Lives of the Bodhisattva from Haribhaṭṭa's Jātakamālā.* Transl. by P. Khoroche. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2017.

Komissarov D. On *Jātakastava* as a Kind of Buddhist Hymn. *International Journal of Buddhist Thought & Culture.* 29(2). 2019. Pp. 151–169.

Le Mahāvastu. Publié par É. Senart. Vol. II. Paris: L'Imprimerie Nationale, 1890.

The Mahāvastu. Transl. by J. J. Jones. In 3 vols. Vol. II. L.: Luzac & Company, 1952.

Ohnuma R. *Head, Eyes, Flesh, and Blood: Giving Away the Body in Indian Buddhist Literature.* New York: Columbia University Press, 2007.

Once a Peacock, Once an Actress: Twenty-Four Lives of the Bodhisattva from Haribhaṭṭa's Jātakamālā. Transl. by P. Khoroche. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2017.

Rāstrapālapariṣchā. Sūtra du Mahāyāna. Publié par L. Finot. Hague: Mouton & Co., 1957.

Stainton H. *Poetry and Prayer: Stotras in the Religious and Literary History of Kashmir.* Columbia University, 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОМИССАРОВ Дмитрий Алексеевич –
кандидат филологических наук, доцент
Научного исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Москва, Россия.

KOMISSAROV Dmitry A., PhD, Associate
Professor, HSE University, Moscow, Russia.